

Союз немыслимый, неизбежный, невозможный. Уроки сотрудничества Советского Союза и Запада во Второй мировой войне

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ, ДМИТРИЙ ТРЕНИН

РЕЗЮМЕ

История сотрудничества СССР, США и Великобритании в ходе Второй мировой войны — пример кооперации в исключительных обстоятельствах при наличии общего смертельного врага. Понимание того, что враг общий и от борьбы с ним зависит само выживание народов и государств, пришло далеко не сразу. В 1930-х годах Советскому Союзу и западным государствам не удалось объединиться для отражения угрозы со стороны нацистской Германии. Взаимное недоверие достигло апогея после неудачных советско-англо-французских переговоров, договора Советского Союза с Германией о ненападении и начала Второй мировой войны. В Лондоне Москву тогда рассматривали как фактическую союзни-

цу Берлина. Однако вторжение Германии в СССР немедленно превратило Великобританию, в одиночку сражавшуюся с Гитлером, в союзницу Советского Союза, и наоборот. Вступление Соединенных Штатов Америки во Вторую мировую войну было спровоцировано нападением Японии, союзницы Германии, на американскую базу в Перл-Харборе, но стратегический выбор — воевать ли, и если да, то на чьей стороне, — был сделан президентом США Франклином Рузвельтом задолго до этого. Объединяя силы с СССР для борьбы с гитлеровской Германией, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль и президент США Франклин Рузвельт исходили из жестких геополитических реалий. Идеологические соображения на время войны были отодвинуты в сторону.

В течение четырех лет совместной борьбы, с июня 1941-го по сентябрь 1945 года, СССР, США и Великобритания (а фактически Британская империя с ее доминионами и колониями) оставались лояльными союзниками, несмотря на очевидные различия интересов и противоположные идеологические установки, вызывавшие, в свою очередь, существенные разногласия и взаимные претензии. СССР упорно сражался на огромном фронте, США помогали ему поставками вооружений и оказывали другую помощь, Великобритания отправляла конвои с оружием и техникой. Советский вождь Иосиф Сталин не пошел на сепаратный мир с Гитлером в тяжелые первые месяцы войны, чего, в частности, опасался британский истеблишмент; в свою очередь, Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт отказались от идеи сепаратного мира с Германией в конце войны. СССР день в день выполнял обещание, данное Сталиным Рузвельту в Ялте, о вступлении в войну с Японией через три месяца после окончания войны в Европе.

Сотрудничество стран антигитлеровской коалиции в ходе войны сформировалось в результате объективных обстоятельств. Однако в объединении СССР, США и Великобритании в военный союз огромную роль сыграло личное взаимодействие руководителей государств, обладавших в тот период всей полнотой власти. Если Рузвельта и Черчилля объединяли взаимное доверие и близкие ценности, то отношения западных лидеров со Сталиным строились скорее на уважении к незаменимому союзнику и готовности в определенной степени учитывать его интересы. Важно отдельно отметить роль доверенных лиц высших руководителей, в частности ближайшего помощника Рузвельта Гарри Гопкинса и посла СССР в Лондоне Ивана Майского, которым удавалось улаживать практические вопросы взаимоотношений.

Совместная победа СССР, США и Великобритании во Второй мировой войне устранила общую угрозу, но одновременно обострила противоречия между

союзниками, резко возросшие в ходе устройства послевоенного мира. Великобритания уступила требованиям США взамен на установление «особых отношений» с Америкой, подразумевавших, что Лондон становится привилегированным младшим союзником Вашингтона. Продолжение тесного сотрудничества между СССР и США в новых обстоятельствах, напротив, становилось объективно невозможным из-за непреодолимых идеологических и политических различий. Американско-советское послевоенное соперничество могло не перейти в конфронтацию на грани столкновения, получившую название холодной войны. В то же время это противостояние не было и случайным — возникшим в результате ошибок, злой воли или неблагоприятного стечения обстоятельств.

Опыт союзничества в годы Второй мировой войны подтверждает, что в условиях серьезной угрозы прагматический подход может оказаться безальтернативным. При таких обстоятельствах даже глубокие противоречия отступают на задний план. Широко известны сказанные в июне 1941 года слова Черчилля о том, что он был и остается противником коммунизма, но если бы Гитлер вторгся в ад, то он стал бы помогать дьяволу. Сталин же, со своей стороны, не погнушался в 1943 году по просьбе союзников упразднить Коминтерн — конечно, это не означало, что советский вождь изменил свои идеологические установки.

В свою очередь, опыт первых послевоенных лет показывает, что вслед за устранением угрозы со стороны общего врага противоречия между временными союзниками возвращаются и даже становятся острее; возникают новые конфликты, вызванные изменившейся ситуацией. Мобилизация на новую борьбу требует мощного идеологического стимула и постоянной информационно-политической накачки. Переход от боевого союза к конфронтации между США и Великобританией с одной стороны и Советским Союзом с другой занял не более трех лет. «Холодный» харак-

тер конфронтации был обусловлен не джентльменским соглашением, а появлением ядерного оружия, гарантировавшего уничтожение обоих противников и всего человечества в новой мировой войне.

Таким образом, можно заключить, что опыт военного союзничества в годы Второй мировой войны неприменим к современным отношениям между Россией и США, а также между РФ и Западом в целом. Те новые риски, которые впоследствии в разное время пытались сравнить с угрозой победы нацизма — такие как международный терроризм, изменение климата или пандемия — были либо существенно меньше по масштабам, либо менее очевидны; кроме того, они влекли за собой разные последствия для России и стран Запада. В противодействии этим угрозам Россия по своим возможностям и роли была, как правило, несопоставима с СССР, принявшим на себя во Второй мировой войне удар большей части сил германского вермахта и разгромившего основную часть вооруженных сил Германии. С точки зрения американского политического мейнстрима, Россия конца XX — начала XXI века — угасающая держава. С этой оценкой необязательно соглашаться. Но пытаться возродить образ антигитлеровской коалиции для объединения усилий России и Запада в борьбе с международным терроризмом, пандемией, изменением климата или другими серьезными угрозами — дело бессмысленное и бесперспективное. Такие попытки вызывают лишь недоумение в среде искомым союзников.

Даже если реальное партнерство между Россией и США в будущем при каких-то условиях, на основе важных объективных интересов окажется осуществимым, добиться приемлемых для России условий такого сотрудничества будет непросто. А его успех, и тем более неудача, не замедлит вернуть ситуацию к прежнему положению, при котором на первый план вновь выйдут противоречия интересов и существенные идеологические (ценностные) различия.

СОЮЗ НЕМЫСЛИМЫЙ

Вплоть до нападения Германии на СССР антигитлеровская коалиция в рамках распространенной тогда концепции коллективной безопасности так и не стала реальностью, хотя угроза германской агрессии ощущалась как на западе, так и на востоке Европы. В 1938 году Великобритания и Франция предпочли пойти на соглашение с Гитлером в Мюнхене о разделе Чехословакии, вместо того чтобы, как предусматривали перекрестные военно-политические договоренности между Парижем, Прагой и Москвой, совместно выступить против Германии. Западные лидеры и элиты опасались не только новой войны, но и возможного усиления влияния СССР и коммунизма в Восточной Европе. Соглашение с Гитлером подавало им оказавшуюся призрачной надежду, говоря словами Чемберлена, на *Peace for our time* — мир с Германией для современников.

Весной и летом 1939 года, когда ситуация в Восточной Европе продолжала обостряться, в Москве состоялись советско-англо-французские военные переговоры. Однако попытка их участников договориться о совместных действиях на случай германской агрессии оказалась неудачной. Западные государства не определились с тем, что для них важнее: заручиться помощью СССР в случае войны или выиграть время — в надежде, что энергия германской агрессии будет направлена на восток. Что касается Сталина, то он уже не делал принципиальных различий между Германией с ее фашизмом и Англией и Францией с их западной демократией. В его представлении это были две группы враждебных Советскому Союзу капиталистических стран, боровшихся между собой за рынки и очередной передел мира. С марксистско-ленинской точки зрения войны имманентно присущи империализму. Надвигавшаяся Вторая мировая война представлялась Сталину логическим следствием и продолжением Первой.

Сталин делал свой выбор, исходя из того, что, по его мнению, на тот момент было выгоднее Советскому Союзу. Париж и Лондон тянули время, конкретно не предлагая ничего. Варшава и Бухарест категорически возражали против прохода Красной армии через их территории, опасаясь советизации. На этом фоне предложение Берлина давало Москве не только отсрочку от неизбежной войны, но и приращение территорий на главном стратегическом направлении. Более того, заключение с Германией договора о ненападении и соглашений о разделе сфер влияния в Восточной Европе (пакт Молотова — Риббентропа) разворачивало войну в западном направлении, ослабляя мировой капитализм в целом. В Великобритании это хорошо понимали: по словам тогдашнего министра иностранных дел Энтони Идена, «германо-советский пакт означал войну»¹.

Согласно записям главы Коминтерна Георгия Димитрова, Сталин в сентябре 1939 года, то есть на пике «дружбы» с Германией, высказывался на этот счет так: «...мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Деление капиталистических государств на фашистские и демократические потеряло прежний смысл»². Готовясь к неизбежной, по его мнению, войне с Германией, Сталин укреплял стратегические фланги СССР: нападением на несторовчивую Финляндию он отодвинул границу от Ленинграда; аннексией Эстонии, Латвии и Литвы — взял под контроль балтийское направление целиком; возвращением Бессарабии, чью оккупацию Румынией в 1918 году Москва никогда не признавала, — прикрывал Одессу и создавал плацдарм для будущих действий на юго-западе.

Сталин уже не думал о коалициях с западными странами против Германии. Советско-финская война фактически превратила Великобританию и Францию в противников Советского Союза, который в общественном сознании западных стран все больше ассоциировался с гитлеровской Германией. Британское

военное командование даже планировало авиаудары по Баку, чтобы подорвать нефтедобычу СССР. Сталин исходил из того, что война с Германией начнется не раньше лета 1942 года — после того как капитулирует Англия³. Советский вождь считал, что, помня об уроках Первой мировой войны, Гитлер не рискнет воевать на два фронта. Сталин просчитался. Неожиданно быстрый и полный разгром Франции и авантюризм Гитлера разбили его расчеты.

СОЮЗ НЕИЗБЕЖНЫЙ

Альянс Великобритании, СССР и США был вынужденным и представлял собой прежде всего военный союз, нацеленный на разгром общего врага — нацистской Германии. Союзники также заявляли о стремлении выстроить после окончания войны новый миропорядок. Здесь между Соединенными Штатами, Великобританией и Советским Союзом существовали серьезные разногласия, которые удавалось так или иначе регулировать, пока продолжалась война и союзники были нужны друг другу. Неизбежным этот союз стал благодаря действиям Германии.

Нападение Германии на СССР коренным образом изменило ситуацию в Европе и расклад сил в мире. В этих условиях Черчилль, стоявший с 1940 года во главе британского правительства, сразу же занял предельно четкую позицию. Вечером 22 июня 1941 года он произнес исторические слова:

«Любой человек и любая страна, воюющие с нацизмом, получают нашу помощь. Любой человек и любая страна, марширующие вместе с Гитлером, — наш враг... Следовательно, мы должны оказать любую доступную нам помощь России и русским людям»⁴.

Черчилль не изменил своего абсолютного неприятия коммунистической идеологии и практики, у не-

го были сомнения в способности СССР противостоять натиску Германии, но в чрезвычайной ситуации он руководствовался прежде всего национальными интересами Великобритании. Вторжение германского вермахта в Советский Союз Черчилль воспринимал как спасение для Англии, которая после разгрома Франции уже год была вынуждена в одиночку противостоять Германии.

В невоюющих США летом 1941 года еще были сильны изоляционистские настроения. Сенатор-демократ Гарри Трумэн, выступая практически одновременно с Черчиллем, высказался за то, чтобы, не ввязываясь в советско-германскую войну напрямую, «помогать России, если войну выигрывает Германия, и помогать Германии, если войну выигрывает Россия», — с тем чтобы «они поубивали друг друга как можно больше»⁵. Иной была позиция президента Рузвельта, считавшего Германию наряду с ее союзником Японией угрозой для США. Атака японской авиации на базу ВМС США в Перл-Харборе 7 декабря 1941 года привела Америку к вступлению в войну. 11 декабря США объявили войну и Германии.

Так союз, бывший невозможным в относительно мирной — точнее, предвоенной — ситуации, стал неизбежным в условиях войны за выживание государств и народов. Нависшая над миром общая угроза не сплотила государства, чьи лидеры еще надеялись, что их страны не будут затронуты войной или даже окажутся в лучшем положении, если агрессор повернет в другую сторону. Потребовалась реализация угрозы в отношении своего государства, чтобы силы, несоединимые прежде в силу политических и идеологических различий, пошли на союз друг с другом. Свою роль сыграла геополитика в чистом виде: несмотря на колоссальные изменения за период с 1918-го по 1939–1941 годы, во главе противоборствующих коалиций во Вторую мировую войну стояли те же самые государства, что и в Первую.

Союзнические отношения между СССР и западными государствами складывались непросто. Две принципиальные проблемы были причиной постоянных трений между союзниками:

- 1) открытие на севере Франции второго фронта, на котором из года в год настаивал Сталин и против чего столь же последовательно выступал Черчилль;
- 2) стремление советской стороны как можно скорее получить от партнеров признание границ СССР по состоянию на июнь 1941 года⁶.

Тем не менее участники союза в течение всей войны проявляли лояльность друг другу. В тяжелые первые месяцы войны Сталин не пошел на сепаратный мир с Гитлером, чего опасался британский истеблишмент. Со своей стороны, западные союзники отказались от идеи сепаратного мира с Германией на заключительном этапе войны. Красная армия и войска союзников не только не столкнулись в Германии, а разместились именно на тех территориях, которые были предварительно согласованы между союзными державами.

Рузвельт, опираясь на огромную экономическую, финансовую и военную мощь Америки, руководствовался принципом сообщества свободных объединенных наций, выдвинутым еще президентом Вудро Вильсоном на исходе Первой мировой войны, и при этом стремился закрепить лидерство США как главного мирового арбитра. Премьер-министр истощенной войной Великобритании, опираясь на особые отношения с США как со старшим партнером, пытался в то же время сохранить Британскую империю. Принципы нового мироустройства были зафиксированы первоначально в Атлантической хартии, подписанной Рузвельтом и Черчиллем в августе 1941 года.

Советский Союз присоединился к Атлантической хартии в 1942 году. Начиная с 1944 года представители СССР активно участвовали в создании Орга-

низации Объединенных Наций. Сталин при этом исходил не из теоретических положений об оптимальном мировом порядке, а из традиционных постулатов реальной политики (Realpolitik), прежде всего соотношения сил, и мыслил в категориях геополитики — таких, как границы государств, сферы влияния, стратегическая глубина, буферные государства и т. п. В этом отношении он мог общаться на одном языке с Черчиллем. Рузвельт, со своей стороны, будучи изощренным политиком, не был, в отличие от Вудро Вильсона, идеологическим догматиком. Он считал добрые личные отношения со Сталиным залогом устойчивого сотрудничества после окончания войны и был готов в определенной мере учитывать советские интересы⁷.

Советский Союз вынес на себе основную тяжесть Второй мировой войны, Красная армия разгромила большую часть германских вооруженных сил. США оказывали помощь по программе ленд-лиза Великобритании, а затем и Советскому Союзу. В СССР с военной помощью из Великобритании направлялись так называемые северные конвои, которые несли серьезные потери от действий германского подводного флота. СССР и Великобритания совместно оккупировали Иран — северную и южную части этой страны соответственно, — чтобы обеспечить себе южный коридор для коммуникаций. (Это не было уникальным случаем: в 1941 году британские войска в силу военной необходимости оккупировали Исландию, которую вскоре передали под контроль вооруженным силам США.)

Военные действия западных союзников и СССР, действовавших на разных театрах военных действий, координировались только в самом общем плане, на уровне верховных главнокомандующих. Совместное командование и объединенный штаб были созданы только между США и Великобританией. Такая свободная форма координации между СССР и западными союзниками была благотворной, поскольку по-

могла избежать проблемы старшинства и иерархии в целом.

Пока шла война, ради достижения общей цели СССР и западные союзники шли на взаимные компромиссы. Удалось согласовать границы послевоенной Польши (одновременно это означало признание Западом присоединения к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии), а также передачу Советскому Союзу южной части острова Сахалин и Курильских островов. Несмотря на приписываемый Рузвельту демократический идеализм, 32-й президент США, нуждавшийся в помощи СССР в войне с Японией, был вполне готов действовать в логике геополитических размен⁸. В свою очередь, «вождь мирового коммунистического движения» Сталин в 1943 году распустил Коминтерн. Были уступки совсем мелкие — например, распространение на Западе книги Льва Троцкого о Сталине, уже готовой в 1941 году, отложили до конца войны⁹. Американская и британская государственная пропаганда воспевали военные подвиги Красной армии и мужество советского народа.

Все три конференции «Большой тройки» — Рузвельта (затем Гарри Трумэна), Сталина и Черчилля (которого еще в ходе последней конференции сменил Клемент Эттли), — проходили на территории Советского Союза (Ялта); территории советской зоны оккупации (Потсдам) или территории, максимально приближенной к границе СССР и бывшей под контролем Советского Союза (Тегеран, где резиденция Рузвельта располагалась на территории посольства СССР). Это объяснялось необходимостью для Сталина постоянно и лично контролировать операции Красной армии, но фактически было признанием роли Советского Союза в войне и исключительной важности советско-германского фронта.

Путем сложных согласований союзники достигли договоренности о принципах строительства и функционирования универсальной всемирной организа-

ции — ООН. В ее Уставе закреплено главенствующее положение пяти держав, ставших постоянными членами Совета безопасности с правом вето на его решения. В число пяти, помимо США, СССР и Великобритании, вошли Китай, борющийся с агрессией Японии, и освобожденная от нацистов Франция. Сталин, ссылаясь на приглашение в ООН британских доминионов, добился также членства в Организации для двух республик Советского Союза — Украины и Белоруссии. Специально для этого в Конституцию СССР в 1944 году было включено положение о праве союзных республик на выход из Союза, которое было реализовано совсем в других условиях в 1991 году.

Важнейшим долговременным результатом союзнического взаимодействия Вашингтона, Москвы и Лондона стали:

- принятие Устава ООН;
- формирование на этой основе всемирной организации государств и целой системы связанных с ООН международных организаций — от МВФ и Всемирного банка до ЮНЕСКО и ВОЗ;
- придание Совету Безопасности ООН центральной роли в вопросах международного мира и определение правил функционирования Совета.

При всей ограниченности прямого воздействия ООН на международные отношения существование и функционирование этой организации упорядочивает мировую политику и предоставляет уникальную глобальную площадку для контактов и переговоров. И это важнейшее непреходящее дипломатическое наследие антигитлеровской коалиции.

На заключительном банкете Ялтинской конференции, проведенном в фирменной сталинской сти-

листике (банкет длился четыре часа и был отмечен 45 тостами), Сталин заметил: легко сохранять союз во время войны, поскольку есть общий враг, труднее будет сохранить его после войны, когда у союзников обнаружатся разные интересы¹⁰. Совместная победа в войне знаменовала триумф союзничества между Великобританией, Советским Союзом и США. Одновременно она обозначила начало конца «Большой тройки».

СОЮЗ НЕВОЗМОЖНЫЙ

Победа в войне резко снизила зависимость союзников друг от друга и столь же резко усилила их разногласия, проявившиеся еще в ходе войны. Одним из важнейших спорных вопросов стала проблема принципов и персоналий при формировании правительства Польши. Сталин считал необходимым с точки зрения будущей безопасности СССР создание в Польше и шире — в Восточной Европе — правительств, безусловно лояльных Советскому Союзу. Он исходил главным образом из необходимости создания геополитического буфера против будущей Германии. Так, ялтинская Декларация об освобожденной Европе с самого начала столкнулась с реалиями силовой политики.

Такой подход не был чужд и Черчиллю. В октябре 1944 года британский премьер-министр прибыл с визитом в Москву для обсуждения со Сталиным условий формирования послевоенного мира. В ходе переговоров Черчилль предложил Сталину раздел влияния между СССР и Западом в ряде балканских и восточноевропейских стран. При этом влияние определялось процентным соотношением просоветских и прозападных политиков в правительствах соответствующих государств.

Оценивая подход Черчилля, Генри Киссинджер отмечал:

«В британской политике просматривалась доля дерзкого отчаяния. Никогда еще сферы влияния не определялись в процентах. Не существовало никаких критериев или средств контроля за соблюдением принципа долевого дележа. Влияние всегда определялось присутствием соперничающих армий»¹¹.

Сталин прекрасно понимал это. Он легко согласился на дележ влияния, исходя из того, что территорию Восточной Европы занимала Красная армия. По оценке Киссинджера, Сталин требовал «платы за свои победы в единственной валюте, воспринимаемой им всерьез, — в форме контроля над территориями»¹². В таких условиях никакие расчеты не могли бы помешать Москве довести, например, предлагавшиеся ей в Румынии 90% или в Болгарии 75% влияния до 100%.

В отличие от Черчилля Рузвельт не думал о геополитике в процентах. Американский президент исходил из реалий, сложившихся в результате войны. Еще до Тегерана Рузвельт пришел к выводу, что Польшу после войны придется отдать Сталину¹³. В дальнейшем он заверил советского вождя, что США не будут мешать СССР проводить свою политику в отношении Румынии, Болгарии, Финляндии, а также Латвии, Литвы, Эстонии, территорий восточной Польши и Бессарабии с Северной Буковиной, включенных в состав СССР в 1940 году, — притом что формально Вашингтон отказался признать советскую аннексию Прибалтики.

В наиболее концентрированном виде политика раздела территорий на сферы влияния была применена к побежденной Германии, а также к Австрии. Еще осенью 1944 года союзники достигли договоренности о принципах управления Германией после войны. Германия и Австрия разделялись на зоны оккупации, Берлин — на сектора оккупации, и только в центре Вены создавался общий сектор. Важно отме-

тить, что в конце войны линии фактического соприкосновения советских и западных войск не совпадали с границами соответствующих зон. Однако уже к лету 1945 года ситуация была упорядочена и войска отведены в пределы закрепленных за их странами зон и секторов оккупации.

Установление зон оккупации еще не означало раздела Германии как страны. Целесообразным такой раздел считали многие в США (см., например, план, предложенный министром финансов Генри Моргентау¹⁴) и в Англии. Сталин, напротив, помня о последствиях Версальского мира, опасался стимулировать германский национализм насильственным разделом страны и выступал за единую нейтральную Германию под четырехсторонним контролем. Формально эта позиция стала общей для союзников. Германия оставалась единой, но под управлением четырех держав-победительниц («Большая тройка» плюс Франция). Управление осуществлялось через находившийся в Берлине Союзный контрольный совет в составе главнокомандующих оккупационных войск и исполнительный орган Совета — Союзную контрольную комиссию. Аналогичные комиссии были созданы и в других странах — союзниках Германии от Балкан до Финляндии.

Уже вскоре, однако, совместное управление оказалось проблематичным, а затем невозможным из-за различия в интересах и стратегиях СССР, с одной стороны, и западных держав — с другой. Прозорливый советник посольства США в Москве Джордж Кеннан уже летом 1945 года считал раздел Европы и расчленение Германии единственной реалистической стратегией для Америки¹⁵. С 1946 года интеграция трех западных зон стала официальной политикой Вашингтона. США, Великобритания и Франция пришли к выводу, что лучше иметь под своим контролем половину Германии, чем половину контроля над единой Германией.

Раскол Германии стал прологом к расколу Европы. Уже в 1947 году США впервые в своей истории взяли на себя обязательства по экономической и политической поддержке Греции, где шла гражданская война, а также Турции — стран, находившихся прежде в неформальной сфере влияния ослабевшей Великобритании. Объявленная в том же году доктрина Трумэна провозглашала защиту «свободного мира» от коммунистической угрозы¹⁶ и советского проникновения в Восточное Средиземноморье¹⁷. Вскоре она была дополнена планом Маршалла, нацеленным на экономическую помощь странам Западной Европы, снижение популярности в этих странах коммунистических партий и размывание влияния СССР в Восточной Европе.

В Москве доктрина Трумэна и план Маршалла были оценены как шаги в направлении создания западного блока против Советского Союза. Академик Евгений Варга, которому был поручен анализ американского плана, писал о неприемлемых для СССР последствиях американской помощи — возможностях свободного передвижения товаров, экономической и политической информации¹⁸. Со своей стороны Сталин приступил к политике коммунизации Восточной Европы, установления там режимов «народной демократии». В 1948 году раскол Германии и Европы стал окончательной реальностью. Валютная реформа в западных зонах Германии спровоцировала Берлинский кризис — первое открытое военно-политическое противостояние коллективного Запада и СССР в холодной войне. Вскоре было создано НАТО и началась война в Корее.

Это противостояние было вызвано далеко не только несовместимостью коммунистической идеологии и либерального капитализма. Еще до Фултонской речи Черчилля о «железном занавесе», но уже после выступления Сталина в Большом театре в феврале 1946 года (в котором он говорил о победе в войне именно советского государственного строя) Дж. Кен-

нан подготовил свою ставшую знаменитой «длинную телеграмму» № 511.

Кеннан писал:

«В основе невротического восприятия Кремлем мировых событий лежит традиционное и инстинктивное русское чувство неуверенности в собственной безопасности. Первоначально это была неуверенность мирного, земледельческого народа, пытающегося выжить на открытых равнинных пространствах в непосредственной близости от воинственных кочевых племен. На это, по мере того как Россия вступала в контакт с экономически передовым Западом, стал накладываться страх перед более компетентными, более могущественными, более высокоорганизованными сообществами. Такой вид неуверенности в собственной безопасности скорее характерен не для русского народа, а для русских властей; ибо последние не могли не ощущать, что их правление относительно архаично по форме, хрупко и искусственно в своем психологическом обосновании и не способно выдержать сравнение или сопоставление с политическими системами западных стран. По этой причине они всегда боялись иностранного проникновения...»¹⁹

В то же время для США, в силу географических и исторических обстоятельств, было характерно ощущение собственной внешней безопасности, сочетавшееся с идеологическим мессианизмом. Быстрый рост экономической и финансовой мощи США в течение первой половины XX века привел к тому, что изоляционизм американского «града на холме», который Рузвельт был вынужден преодолевать ради того, чтобы США могли вступить в войну²⁰, сменился глобализмом *Pax Americana*. Советский коммунистический проект лоб в лоб столкнулся с экспансивным либерализмом США.

Это столкновение стало главным идеологическим содержанием холодной войны.

Таким образом, путь от общей победы и триумфа антигитлеровской коалиции к конфронтации между Советским Союзом с одной стороны и США и западными союзниками — с другой занял три года. Победа заложила нормативные основы миропорядка — Устав Организации Объединенных Наций; сформировала вокруг ООН систему универсальных международных институтов; создала всемирную площадку для постоянного общения государств. Конфронтация, напротив, задала миропорядку геополитическую, идеологическую и военно-политическую структуру — разделенный надвое биполярный мир во главе с США и СССР. Очевидная угроза всеобщего уничтожения в случае применения сторонами ядерного оружия оказала сдерживающее воздействие на политику Вашингтона и Москвы в отношении друг друга. Войны вспыхивали на флангах линии конфронтации, носили локальный характер и велись преимущественно младшими союзниками или клиентами двух сверхдержав.

ТЩЕТНОСТЬ ПОПЫТОК «БОЛЬШОЙ СДЕЛКИ»

Период Второй мировой войны абсолютно уникален и ни с чем не сравним. Наличие общего смертельного врага — гораздо более прочный цемент для союза, чем просто совпадение интересов и идеологий (ценностей). Но этот цемент рассыпается, как только цель — победа — достигнута. В отсутствие общего врага альянс становится невозможным, а отношения могут развиваться в лучшем случае на прагматической основе, если на это есть добрая воля.

После смерти Сталина в 1953 году Черчилль, вновь ставший британским премьер-министром, пытался реанимировать модель «Большой тройки», на этот

раз для смягчения напряженности в мире, но не был понят другим ветераном Второй мировой — Дуайтом Эйзенхауэром, сменившим Трумэна на посту президента США²¹. Временного смягчения напряженности между Западом и Советским Союзом тем не менее действительно удалось добиться. В 1955 году в Женеве для обсуждения германского вопроса собрались главы правительств СССР, США, Великобритании и Франции, в политический оборот вошел термин «дух Женевы». Но этот эфемерный дух свидетельствовал только о временном изменении атмосферы и некоторых модальностей, но не самой сути отношений.

Суть сводилась к разделу мира на сферы влияния двух блоков во главе с Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Этот раздел не был гладким и беспроблемным. Понадобились новые опасные кризисы в Берлине и вокруг Кубы, чтобы наконец установилось глобальное равновесие в рамках разделенного мира. В советской политической доктрине со времен Никиты Хрущева это новое, сравнительно устойчивое состояние системы международных отношений стало называться мирным сосуществованием двух систем. Признание безальтернативности сосуществования непримиримых противников в ядерный век стало своего рода «большой сделкой».

Мирное сосуществование исключало мировую войну, но оно было вынужденным сожительством двух враждебных мировых сил. Их ожесточенное противостояние продолжалось, но стремление к самосохранению требовало прагматического взаимодействия для снижения рисков столкновения. Был запущен процесс взаимного ограничения вооружений и некоторого снижения уровня взаимной враждебности, который в СССР был назван разрядкой международной напряженности, а в США получил название *détente*²².

Свою роль сыграли личные качества руководителей. В Советском Союзе — Никиты Хрущева, а за

тем сменившего его Леонида Брежнева. Прошедшие Великую Отечественную войну советские политработники, ставшие затем во главе партии и государства, стремились избежать третьей мировой. Оба они понимали важность контактов на высшем уровне с американскими оппонентами. Отношения с США оставались для них приоритетом. Хрущев шел на обострение в Берлине и на Кубе, но он же шел на прямой диалог с президентом США Джоном Кеннеди — боевым пилотом Второй мировой — и не допустил гибельного столкновения. Брежнев не стал отменять визит президента США Ричарда Никсона в Москву в 1972 году для подписания соглашений по контролю над вооружениями, несмотря на усиление американских воздушных бомбардировок Северного Вьетнама прямо накануне визита.

Кремлевские руководители действовали не только через официальные каналы МИДа, но и через доверенных лиц, создававших свои, неофициальные. Как уже отмечалось, в Лондоне в первые годы войны контакт с Черчиллем и Иденом осуществлял посол СССР Иван Майский; доверенным лицом Рузвельта в прямом общении со Сталиным был Гарри Гопкинс, которым советский вождь искренне восхищался. Визиты Гопкинса к Сталину в июле 1941 года и в июне 1945-го символическим образом открывали союз держав и закрывали его²³.

При президенте Кеннеди в течение некоторого времени его неформальным посланцем был журналист и редактор Норман Казинс, пытавшийся помогать выстраивать добрые отношения внутри, как он сам писал, «триумвирата» Кеннеди — Папа Римский Иоанн XXIII — Хрущев²⁴. Доверенным лицом Хрущева в этот период выступал его зять Алексей Аджубей, главный редактор газеты «Известия». Самым знаменитым и эффективным стал канал связи Генри Киссинджер — Анатолий Добрынин. Сам Киссинджер отсчитывал эти контакты от 14 февраля 1969 года, первой его встречи с советским послом, со-

стоявшейся всего через три недели после вступления в должность советника президента Никсона по национальной безопасности. Взаимодействие Добрынина и Киссинджера стало одним из ключевых инструментов формирования политики разрядки²⁵. Встречи Киссинджера с Брежневым в первой половине 1970-х годов были настолько частыми, что для американского переговорщика в резиденции генерального секретаря ЦК КПСС в Завидово было построено специальное помещение — спичрайтеры первого лица окрестили его «Кискиным домом»²⁶.

Последний советский лидер Михаил Горбачев попытался выстроить новые советско-американские отношения — нечто вроде дружественного всемирного кондоминиума — на основе выдвинутой им концепции «нового политического мышления». Эти попытки, однако, оказались безуспешными из-за прогрессирующей слабости Советского Союза, закончившейся распадом страны.

При первом президенте Российской Федерации Борисе Ельцине был поставлен и практически решался вопрос уже не о «большой сделке» Москвы и Вашингтона, а о присоединении России к коллективному Западу во главе с США. Но идею западной интеграции России также не удалось осуществить — в основном из-за неготовности, а затем и решительного отказа российских элит и общества признать безусловное лидерство Соединенных Штатов в этих новых отношениях.

Попытки договориться об условиях интеграции продолжались вплоть до начала 2000-х годов. Владимир Путин, тогда еще исполняющий обязанности президента, в интервью ВВС допустил возможность присоединения России к НАТО²⁷. В то время Путин вел по этому поводу содержательные беседы с генеральным секретарем Североатлантического альянса лордом Джорджем Робертсоном. Теракты 11 сентября 2001 года, после которых Путин немед-

ленно заявил о поддержке Россией Соединенных Штатов и распорядился оказать им реальную помощь в антитеррористической операции в Афганистане, породили в Москве надежды на новое союзничество с Вашингтоном.

В ноябре 2001 года директор Института США и Канады РАН Сергей Рогов писал:

«...у США и России впервые после 1945 года оказался общий враг — международный терроризм... Борьба против общего противника создает настолько мощные совпадающие интересы, которым оказываются подчиненными все другие цели. Союз может быть прочным, если у сторон будут и другие долговременные интересы. Таким интересом, например, может стать нераспространение ядерного оружия»²⁸.

Проблема, однако, заключалась в условиях союзничества. В мае 2001 года в ходе встречи группы экспертов с президентом США Джорджем Бушем — младшим будущий американский посол в Москве, а тогда политолог Майкл Макфол предположил, что задача США могла бы выглядеть так: «Мы должны поддерживать демократию в России и поощрять присоединение России к международным институтам, установленным США после Второй мировой войны»²⁹. Буш, в свою очередь, заметил, что Америке нужна Россия на стороне США, потому что однажды обеим странам придется иметь дело с Китаем. Иными словами, речь шла о присоединении России к руководимой США международной системе на общих, то есть подчиненных, основаниях.

Путин, со своей стороны, видел союзничество с Западом иначе. Для него было принципиально важным, чтобы Россия воспринималась Соединенными Штатами как равный партнер, имеющий право и возможность участвовать в совместном принятии важнейших решений. Для Вашингтона такое требование было не

только чрезмерным, но и абсолютно неприемлемым, поскольку ставило под вопрос единоличное лидерство США в созданной ими международной системе и тем самым расшатывало бы эту систему изнутри. Путин в конце концов и сам понял это. Ближе к концу своего второго президентского срока он произнес известную речь на Мюнхенской конференции по безопасности, в которой резко критиковал однополярный мир и поведение его гегемона — Соединенных Штатов Америки³⁰.

Таким образом, борьба с международным терроризмом оказалась недостаточно прочной основой для нового союза двух уже явно разновеликих держав, все более отдалявшихся друг от друга ценностно и геополитически. Попытка «перезагрузки» российско-американских отношений в период президентства Дмитрия Медведева (2008–2012) основывалась уже только на тактических соображениях вашингтонской администрации и вполне прагматических интересах Кремля. Эта попытка продолжалась недолго и была опрокинута развитием внутривнутриполитической динамики в обеих странах и нараставшими противоречиями между ними на международной арене.

После избрания в 2016 году президентом США Дональда Трампа в Москве вновь — и, вероятно, в последний раз — возник призрак «большой сделки». В Кремле увидели возможность широких договоренностей с республиканской администрацией, но, разумеется, не на основе восприятия Россией западных ценностей, а совсем наоборот — на базе безразличия Трампа к этому ценностному каркасу, чистой прагматики и личной «химии» двух президентов. Надежды на прагматическую «стыковку» Путина и Трампа были похоронены ожесточенной политической борьбой внутри США, результатом которой стало дальнейшее резкое ухудшение американо-российских отношений.

Наконец, в самом начале пандемии коронавируса на очень короткое время в Москве появилась иллю-

зия, что противодействие этой общей угрозе поможет если не оздоровить отношения с США, то хотя бы смягчить конфронтацию. На самом же деле пандемия еще больше обострила американо-российские отношения, усилив в США и без того беспрецедентное недоверие к России и подхлестнув конкуренцию между двумя странами на рынке вакцин, переросшую в информационную войну³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пришедшая к власти в США в результате выборов 2020 года демократическая администрация Джозефа Байдена демонстративно и резко снизила роль отношений с Россией во внешней политике США. Она заранее отказалась от традиционного для предшественников обещания стремиться улучшить отношения с Москвой. Какая-либо их перезагрузка решительно исключалась. Одновременно Байден и его команда существенно усилили идеологическую составляющую внешнеполитического курса и отбросили дипломатические условности в публичной риторике — в том числе в отношении лично президента Путина.

В таких обстоятельствах абсолютной утопией представляется апелляция к идее «большой сделки» между США и Россией или, шире, между трансатлантическим Западом и Россией — идее, традиционно присутствующей, хотя бы на заднем плане, в российском политическом дискурсе. Разумеется, существуют сферы возможного прагматического взаимодействия с США. В их ряду обычно называют предотвращение военного столкновения, обеспечение стратегической стабильности, усилия в пользу нераспространения ядерного оружия... И далее, уже скороговоркой — взаимодействие по проблемам изменения климата, борьбе с пандемией коронавируса, по противодействию терроризму. Но реальные противоречия интересов и ценностные различия слишком велики, чтобы какое-либо устойчивое

партнерство между Россией и США в обозримой перспективе стало возможным.

Итак, опыт военной советско-американо-британской коалиции уникален и неповторим. «Большая сделка» между РФ и США — учитывая, что Россия не является сверхдержавой, претендующей на глобальный кондоминиум с Америкой, — в современных условиях представляется невероятной. С точки зрения снижения уровня конфронтации, некоторое значение (в основном как модель действия неформальных каналов связи) имеют прецеденты 1960–1970-х годов — при всех многочисленных отличиях тогдашней внутренней и международной ситуации от нынешней. По существу же отход от конфронтации в направлении менее антагонистического соперничества возможен только в случае крупных внутривнутриполитических изменений в одном или обоих государствах. Предпосылок к ним сейчас и в обозримом будущем не просматривается.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Трухановский В. Г. Антони Иден. М.: Международные отношения, 1983. С. 192; Рикс, Томас. Черчилль и Оруэлл. Битва за свободу. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 107.
- 2 См.: *Безыменский, Лев*. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000. С. 290.
- 3 Там же. С. 277.
- 4 Рикс, Томас. Указ. соч. С. 183.
- 5 Пауценко Д. «Мы полностью лишим Японию способности воевать» // Дилетант. — 2018. — 7 янв. // <https://diletant.media/articles/38698769>
- 6 См.: *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М.: Наука, 1971. С. 537, 578.
- 7 См.: *Kissinger, Henry*. World Order. New York: Penguin Press, 2014. P. 269–271.
- 8 См.: *Byrnes, James F.* Speaking Frankly. New York: London, Harper & Brother, 1947. P. 42–43.
- 9 См.: *Черняховский Г.* Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 621.
- 10 См.: *Byrnes*. Op. cit. P. 44.
- 11 Киссинджер, Генри. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 371–372.

- 12 Там же. С. 384.
- 13 См.: *Рентола, Киммо*. Сталин и судьба Финляндии. М.: Весь мир, 2020. С. 71–72.
- 14 См.: *Byrnes*. Op. cit. P. 181–184.
- 15 См.: *Мельников Ю. М.* От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М.: Политиздат, 1974. С. 49.
- 16 См.: *Schlesinger, Robert*. White House Ghosts. Presidents and Their Speechwriters. New York, Simon & Schuster, 2008. P. 47.
- 17 См.: *Киссинджер*. Указ. соч. С. 427.
- 18 См.: *Пихоя, Рудольф*. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945–1985, М.: АСТ, 2007. С. 152.
- 19 Цит. по: *Киссинджер*. Указ. соч. С. 403.
- 20 Там же. С. 352.
- 21 См.: *Киссинджер*. Указ. соч. С. 459–460, 463.
- 22 См.: *Kissinger, Henry*. White House Years. Simon & Schuster Paperbacks, New York, 2011. P. 949, 966.
- 23 См.: *Roll, David L.* The Hopkin's Touch. Harry Hopkins and the Forging of an Alliance to Defeat Hitler. Oxford University Press, 2013. P. 135–136.
- 24 «Что делало персональные отношения Кеннеди и Хрущева столь примечательными, — писал Казенс, — так это то, что оба лидера были вынуждены преодолевать серьезное сопротивление в их собственных истеблишментах, чтобы снизить враждебность и напряжение между двумя обществами». — *Norman Cousins*. The Improbable Triumvirate. Kennedy—Khrushchev—Pope John. An Asterisk to the History of a Hopeful Year, 1962–1963. W.W. Norton & Company, New York, 1972. P. 153.
- 25 См.: *Kissinger, Henry*. White House Years. P. 112, 138.
- 26 См.: *Бовин, Александр*. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Захаров, 2003. С. 338.
- 27 См.: Interview to “BBC Breakfast with Frost”, March 5, 2000 // <http://www.en.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24194>
- 28 *Рогов С. М.* Де-факто союзники // Независимая газета. — 2001. — 13 нояб. // https://www.ng.ru/world/2001-11-13/1_de_fakto.html
- 29 *McFaul, Michael*. From Cold War to Hot Peace. The Inside Story of Russia and America. Allen Lane, 2018. P. 63.
- 30 См.: Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. — Президент России // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>
- 31 См.: Лавров обвинил США и союзников в давлении на другие страны с помощью пандемии // Коммерсантъ. — 2021. — 18 янв. // <https://www.kommersant.ru/doc/4652670>

Статья опубликована в рамках проекта «Диалог Россия — США: смена поколений». Взгляды, изложенные в статье, отражают личное мнение авторов.

ОБ АВТОРАХ

Андрей Колесников — руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского Центра Карнеги.

Дмитрий Тренин — директор Московского Центра Карнеги.

© Фонд Карнеги за Международный Мир, 2021

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организации не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.